

СВЯТОЧНЫЕ ШАЛОСТИ ВЪ КАДНИКОВСК. УѢЗ.

Святочные шалости въ Пельшемской волости, Кадниковскаго уѣзда.

Въ Рождественскій постъ устраиваются *посидѣнки*, но безъ плясокъ и пѣсенъ: дѣвицы прядуть, а парни что-либо рассказываютъ и зубоскалать. Если бы въ избѣ не было никого изъ стариковъ, и то бы они побоялись устроить пляски: неравно кто-либо ненарокомъ проговорится, а узнають—плохо будетъ, отъ стариковъ достанется „на орѣхи“.

Въ первые три дня праздника посидѣнокъ не бываетъ, не позволяютъ старики: по ихъ словамъ, кто веселится въ первые три дня Рождества Христова, тотъ тѣшитъ „нечистаго“. Около полуднѣ на четвертый день парни и дѣвицы собираются въ одну набу. Дѣвицы являются въ будничныхъ костюмахъ и съ работой (пряжей, шитьемъ, вышиваньемъ, плетениемъ кружевъ). Плясокъ не бываетъ. Время проводится въ разговорахъ и шуткахъ. Собираются главнымъ образомъ, чтобы условиться, какъ провести вечеръ. Съ этого вечера устраиваются посидѣнки; онѣ бываютъ по очереди въ тѣхъ избахъ, гдѣ есть невѣсты. На посидѣнку приходятъ въ лучшихъ платьяхъ, и тоже не съ иной работой, а исключительно съ пряжей. Нѣкоторыя „славнухи“ (невѣсты, славящіяся богатствомъ, красотой или трудолюбіемъ) украдкой съ собой приносятъ уже готовую пряжу, такъ какъ заботливыя матери каждый разъ у возвратившейся съ посидѣнки дочери осматриваютъ, много ли напряла за вечеръ, а въ иной веселый вечеръ, между тѣмъ, не удается и пряслицы-то въ руки взять.

На святочныхъ посидѣнкахъ, пока не придутъ славнухи, плясокъ не бываетъ. Собравшіяся дѣвицы прядуть, а парни любезничаютъ, шумятъ, поютъ пѣсни и т. п. Но вотъ пришли и славнухи. Начинають устраивать игры, пляски. Прялки кладутся на полавочникъ, а если которая изъ дѣвицъ не захочетъ оставить работы, то и силой заставляютъ прекратить работу и вмѣстѣ съ ними принять участіе въ играхъ и пляскахъ. На этихъ посидѣнкахъ какъ парни, такъ и дѣвицы бываютъ и изъ другихъ деревень, но только съ той разницею, что парни приходятъ каждый разъ изъ своей деревни, между тѣмъ какъ дѣвицы прѣзжаютъ къ своей подругѣ или къ кому изъ родственниковъ на всѣ святки, а не на одинъ вечеръ, и, конечно, не забываютъ прихватить свои наряды.

Если на посидѣнкѣ много дѣвицъ изъ другихъ деревень, то уже это собраніе зовется не посидѣнкой, а *посадою*.

Послѣ плясокъ уговариваются итти ряжеными на посидѣнку въ одну изъ сосѣднихъ деревень. Рядятся не всѣ: у иныхъ строгіе родители не позволяютъ, а другіе и по своей волѣ не идутъ, если не надѣются, что въ чужой деревнѣ будетъ весело. Желающие рядиться обыкновенно уходятъ домой на костюмами. Каждый приноситъ что-нибудь изъ старой, поношенной одежды, все принесенное раскладывается на лавкахъ, и каждый выбираетъ себѣ по вкусу. При этомъ заботятся не о красотѣ костюма, а только чтобы вышло носимѣе. Всѣ костюмы (вывороченная шуба шерстью вверхъ—всего чаще) надѣваются сверхъ платья, въ ко-

на веревкѣ на крышу и затѣмъ выливаютъ воду въ трубу. Надо сказать, что здѣсь большею частью избы „курныя“, у нихъ трубы прямыя, деревянныя, устраиваются надъ печкою или „голубцемъ“ и затыкаются изъ избы отрѣпьями или закрываются деревянной задвижкой. Крестьяне всегда спятъ на печахъ, и вотъ отъ этой святочной шалости затычка выпадаетъ, и спящихъ на печкѣ будитъ холодная ванна.

Или же въ трубы набьютъ побольше (съ кузовъ) сѣна, на сѣно накидаютъ снѣга и обольютъ его водой. Къ утру все это замерзнетъ, и хозяину дома, чтобы затопить печь, надо очистить трубу, что, конечно, не легко.

Эти шутки устраиваются только надъ обитателями курныхъ избъ; у кого же въ избѣ печь „набѣло“, этихъ каверзъ не устраиваютъ, такъ какъ иначе пришлось бы ломать эту узкую, полѣнчатую, кирпичную трубу,—шутка вышла бы ужъ очень злая, да за нее бы и досталось ребятамъ отъ всѣхъ мужиковъ деревни. Но для такихъ хозяевъ есть въ зачатѣ цѣлый рядъ другихъ проказъ.

Вотъ одинъ взялъ въ большой горшокъ навозу и налилъ туда теплой воды, другой въ это время на тонкій, легкой шестъ прикрѣпилъ вѣшникъ. Вотъ они подошли къ одному дому; одинъ съ горшкомъ и вѣшникомъ становится у самой стѣны, такъ чтобы его не было видѣть изъ оконъ избы, а другой на нѣкоторомъ разстояніи кричитъ измѣняе мѣ голосомъ: „эй, хозяинъ!“ Кто-нибудь изъ разбужденныхъ жильцовъ подходитъ къ окну и, увидя одного стоящаго человѣка, отодвигаетъ раму и высматриваетъ голову, чтобы узнать, что надо. Въ это время вѣшникъ, пропитанный навозомъ, смазываетъ ему лицо. Конечно, слѣдуетъ брань и ругань. Такъ обходятъ нѣсколько избъ, пока не замерзнетъ навозъ.

Раньше еще была шутка. Всѣ ворота обыкновенно отворяются внутрь, что и давало возможность къ воротамъ пристлонить чурку. Если человѣкъ, выходя изъ дома, быстро отворить ворота, то чурка валится на него, причиняя довольно сильныя ушибы. Но крестьяне запретили молодежнику эту шутку, и теперь ее никогда не устраиваютъ.

На другой день мужики встрѣчаютъ ребятъ не бранью, а вмѣстѣ съ ними смѣются даже и тѣ, по чьимъ лицамъ прошелся вѣшникъ съ навозомъ.

Если эти шалости продѣлываются въ домахъ невѣсть, онѣ не считаются позоромъ для послѣднихъ. Если же женихи-шалуны хотятъ кого опозорить, то обыкновенно окна и ворота избы густо замазываются оттаяннымъ навозомъ. Обыкновенно деревенскія молодичи, сознавая за собой какой „грѣхъ“, съ вечера ставятъ въ печь воду и, вставши до разсвѣта, пока еще всѣ спятъ, свидѣтельствуютъ внѣшній видъ избы, и если она окажется вымызанною, то поскорѣе все смываютъ, пока никто не видѣлъ.

Пр. Дилекторскій.

двадцати въ компаніи. Придя на посидѣнку въ другую деревню, они попляшутъ, какъ говорится, до седьмого пота и, прихвативъ новыхъ ряженыхъ, отправляются въ другую деревню.

Оставшіяся на посидѣнкѣ дѣвѣны вновь принимаются за работу. Часто опѣ прячутъ прялки ушедшихъ дѣвѣнъ, а иногда и портятъ ихъ работу: спутываютъ готовую пряжу или, обливъ ее водою, выносятъ на улицу, чтобы замерзла, а не то распутывать пряжу и, привязывая ее къ концамъ нарочно воткнутыхъ въ снѣгъ кольевъ, протягиваютъ нитку, на подобіе телеграфа, отъ дома той дѣвѣны, чья прялка, къ дому того парня, который успѣшнѣе другихъ ухахлывалъ за нею.

Вотъ возвратились ряженые, развѣхались. Началось разыскиваніе прялокъ, оттаиваніе ихъ въ печи, распутываніе. Тутъ же вспоминаются интересные случаи изъ проведеннаго вечера. Смѣхъ, веселье. Парни садятся рядомъ со своими „любезными“, или, какъ здѣсь говорятъ, „прихлѣбными“, то есть съ тѣми, за которыми ухахлываютъ. Часто бывають случаи что „молодцы“ отнимають у дѣвѣнъ прялки и требуютъ за нихъ выкупа въ видѣ поцѣлуя, который дается большею частью охотно. Съ посидѣнки расходятся около 3 или 4 часовъ утра.

При выходѣ изъ избы иногда кто-нибудь пропоеть:

Ужъ пора намъ всѣмъ дѣвѣцамъ по домамъ.
 Вы не сказывайте дома матерямъ,
 Что который со которою сидитъ,
 Что который? со которой говоритъ.

Дс здавишись, когда погаснутъ въ деревнѣ всѣ огни, ребята начинаютъ другую забаву. Вотъ какъ они справляютъ святки:

Подойдя осторожно, безъ всякаго шума, одновременно къ однимъ воротамъ (ворота въ хлѣвъ и ворота на въѣздѣ) избы какой-нибудь очень разборчивой невѣсты или сварливой бабы и ябедника-мужика, они запирають ихъ и начинаютъ съ пѣснями, шумомъ, смѣхомъ стаскивать къ нимъ почти со всей деревни бревна, бороны, телеги, дровни и т. п. Въ домѣ, конечно, просыпаются отъ шума, но выйти и прогнать шалуновъ нельзя—заперто, да и такъ бывають завалены выходы, что на утро мужики всей деревни иногда часа два работаютъ, освобождая заключенныхъ. Если же кто изъ заключенныхъ начнетъ уговаривать ребятъ бросить шалость, то они, напротивъ, еще энергичнѣе продолжаютъ свою работу; а если ихъ будутъ бранить, то они на брань отвѣтятъ бранью, а часто еще всѣ хоромъ споютъ про него или про дочь-невѣсту, если таковая есть, какую-нибудь нецензурную пѣсенку. И чѣмъ болѣе сердятся заключенные—тѣмъ веселѣе ребятамъ.

Натѣшившись здѣсь, они отправляются къ избѣ другого неуважаемаго, нелюбимаго крестьянина. Прежде всего запирають всегда всѣ входы и выходы, и потомъ начинается ихъ шалость.

Вотъ принесли пожарную лѣстницу и нѣсколько человекъ взлѣзли на крышу. Другіе принесли нѣсколько ведеръ воды, которыя поднимають

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

каждой бочкѣ вина находится „ядовитая капля“, впущенная туда „нечистымъ“ на пагубу людей: выпившій съ виномъ эту каплю опивается на смерть, или же всю жизнь страдаетъ запоями съ бѣлой горячкой. Допускаютъ и третій исходъ, именно благополучный. Случается, что компанія только что усядется выпивать, вдругъ бутылка безъ видимой причины лопается, и вино проливается; сначала всѣ въ недоумѣніи, а потомъ и начинаютъ догадки, не въ этой ли бутылкѣ и находилась именно „ядовитая капля“, но Богъ не допустилъ ее употребить, потому что приступили къ выпивкѣ, осынивъ себя крестнымъ знаменіемъ. Конечно, крушеніе бутылки не отрезвить компаніи, требуется другая бутылка—вѣдь въ этой бочкѣ нѣтъ болѣе ядовитой капли, она на глазахъ компаніи пропала—и пьютъ безъ опасенія. Запой можно также получить, когда сидѣлецъ подсунетъ „ошишковъ“, сливаемыхъ изъ разныхъ стакановъ, а кабатчики ради выгоды часто это практиковали.

12) *Какъ опредѣлить исходъ болѣзни у челоѣка?* Если больной пилъ что-нибудь и останется, то вылить на собаку: если она встряхнется, то больной живъ будетъ, а не отряхнется—то умретъ.

Далѣе надо положить между пальцевъ больного немного вѣтчиннаго сала, затѣмъ вынуть и бросить собакѣ: если она съѣстъ, то больной живъ будетъ, а не станетъ ѣсть, то умретъ. Еще способъ: замѣшать ржаной муки густо и тѣмъ тѣстомъ валять по ногамъ отъ подошвъ до коленокъ и кинуть собакѣ: если собака поступитъ какъ и въ предыдущихъ случаяхъ, то таковъ и исходъ болѣзни будетъ. Еще въ ходу слѣдующіе способы: больному кладутъ на голову освященную вербу и замѣчаютъ: если опъ начнетъ съ этого потѣть, то умретъ. Или же просятъ больного не ѣсть и не пить до утра, а утромъ заставляютъ помочиться въ стклянку и смотрятъ на мочу противъ солнца: если не видно въ стклянкѣ отраженіе челоѣка, то больной скоро долженъ поправиться. Если отраженіе челоѣка видно будетъ вверху, то больной помереть, если же въ срединѣ (?), то болѣзнь продолжится, и больной живъ не будетъ.

13) На счетъ *будущахъ дѣтей* примѣчаютъ слѣдующее: если молодуха сядетъ за столъ съ одной стороны, а выйдетъ съ другой, т. е. обойдетъ вокругъ стола, то народитъ дѣтей цѣлое застолье. Если не желаютъ имѣть много дѣтей, то избѣгаютъ такого обхода.

14) Въ заключеніе, въ видѣ дополненія къ тому, что сообщено было нами о мѣстныхъ обычаяхъ („Этн. Обзор.“ XXVII), приведемъ обычай, соблюдаемый *въ день св. Космы и Даміана* (1-го ноября). Въ этотъ день дѣвушки покупаютъ въ складчину крупы и масла для каши, вѣр. коп. на 30. Сваривши кашу, начинаютъ продавать парнямъ на 2—5 к. или на 10 коп., кто на сколько пожелаетъ; для этого имѣются разныхъ размѣровъ чашки. Парни берутъ парасхватъ, ѣдятъ да похваиваютъ, такъ какъ дѣвичья каша дѣйствительно очень вкусна. Въ выручкѣ у дѣвушекъ остается нѣсколько рублей, которые они дѣлятъ между собою.